

ВЛАСТЬ И ПОЛИТИКА

с современной точки зрения, с учётом экологических и генетических знаний, живо, мультимедийно, эстетично. Юлия Глазырина намерена привлечь к этой работе не только учёных, но и художников, причём художников театра, чтобы создать в экспозиции особую драматургию. Запрашиваемая площадь — 0,9 тыс. кв. м.

По мнению Ольги Юдиной, речь в этом случае должна идти не просто о переезде, но о создании нового музея практически с нуля. «Надо делать музей мирового уровня. Иначе просто нет смысла», — считает директор Пермского краеведческого музея. В отличие от коллеги из Пермской художественной галереи Ольга Юдина считает, что не нужно ждать окончания работы проектировщиков во главе с Софьей Троценко, надо свой проект создавать параллельно, иначе будет упущено время.

Особый разговор — о Детском музейном центре. По словам Ольги Юдиной, во время обсуждений будущей культурно-рекреационной зоны на территории завода им. Шпагина высказывалась идея объединить в общем пространстве все музейные детские проекты: «Чердак» музея PERMM, Детский музейный центр краеведческого музея, какие-то программы художествен-

«Идеально было бы, чтобы музейные экспозиции на территории завода соседствовали с музыкой; чтобы в одном из цехов разместился концертный зал»

ной галереи. Музейщики не согласны с этим: они считают, что каждый из проектов должен сохранить свою специфику и располагаться в собственном пространстве. Краеведческий музей оценивает потребность в площадях для своего детского центра в 0,7 тыс. кв. м.

Какое будет принято решение — объединить детские проекты или оставить каждому музею собственный «детский уголок», собеседники «Нового компаньона» не знают.

«У этой территории невероятный потенциал»

Особенно импонирует новая культурная локация арт-директору музея PERMM Наиле Аллахвердиевой. По её словам, «музей современного искусства — по определению пластичная институция», которая способна принимать любые формы в зависимости от того, в какой «сосуд» её поместят.

Наиля Аллахвердиева, арт-директор Музея современного искусства PERMM:

— Современное искусство — не галерейский проект. Оно развивается во взаимодействии с реальностью. Мы прекрасно освоили сначала помещение бывшего Речного вокзала, затем помещение бывшего торгового центра, так что размещение на заводе нас не смущает, тем более что нам очень нравится эта локация.

У этой территории невероятный потенциал культурно-рекреационной зоны. Если будут сделаны хорошее проектирование и качественная реконструкция, это может стать прорывным проектом мирового уровня. Я бывала на многих промышленных площадках, превращённых в выставочные, но такого выигрышного сочетания факторов нигде в мире не видела: Кама, сообщество нескольких музеев, исторический центр — Первогород: всё

это может стать базой для мощного развития всего города.

Наиля Аллахвердиева сообщила, что уже встречалась с разработчиками проекта культурного кластера на заводе им. Шпагина и изложила им свои пожелания по поводу размещения музея. Так, музей претендует на площадь в 7000 кв. м, этого достаточно и для экспозиции, и для хранения, и для образовательных проектов. Хотя, если бы музеем отдали всю территорию завода, Наиля Аллахвердиева вовсе не отказалась бы: «Мы готовы всю территорию завода наполнить современным искусством!»

Руководство PERMM не пугает «угроза катастрофического затопления», о которой много говорят в соцсетях противники планов преобразований губернатора Максима Решетникова. По словам Наили Аллахвердиевой, она изучила историю наводнений в черте Первогогорода, и, по свидетельству историков, та отметка высокой воды, которая существует на территории завода, связана с разливом Егошихинского пруда, ныне не существующего. Но даже если наводнение произойдёт, экспонаты музея, по мнению эксперта, не должны сильно пострадать: в отличие от классической живописи, хранение произведений современного искусства не тре-

бует определённого уровня влажности атмосферы. «Катастрофическое затопление для современного искусства — прежде всего повод для художественных рефлексий, потому что мы работаем с современным контекстом во всех его проявлениях», — считает арт-директор PERMM.

Наиля Аллахвердиева:

— Наш самый страшный кошмар — превратиться в «музей-музей», засушенный, с постоянной экспозицией. Если что случится — переведем повыше этажом.

В заключение комментария арт-директор музея PERMM сообщила, что, по её мнению, идеально было бы, чтобы музейные экспозиции на территории завода соседствовали с музыкой; чтобы в одном из цехов разместился концертный зал, а где-то рядом — новая сцена Пермского театра оперы и балета.

Судя по всему, краевые власти вынашивают схожие идеи. Несмотря на то что никто не объявлял официально об отказе от строительства новой сцены театра в пятом квартале, в кулуарах об этом давно говорят. В проекте «Пермь — 300 лет на Каме», разработанном архитектурным бюро MLA+ (Санкт-Петербург), здание театра расположено в Разгуляе, за памятником Татищеву. Похоже, что политическое решение на этот счёт уже принято или вот-вот будет принято.

«Генеральная репетиция» музыкально-театральных событий на заводе состоялась 23 июня, накануне закрытия Дягилевского фестиваля, когда в цехе №5 фестивальный оркестр под управлением Теодора Курентзиса исполнил Четвёртую симфонию Малера. Событие прошло более чем успешно, но в то же время стало понятно, что для подобного применения помещения завода надо реконструировать, и существенно.

РЕНОВАЦИЯ

По законам урбанистики

Как превратить заброшенный цех в точку роста региональной экономики

Дмитрий Енцов

На прошлой неделе в Перми завершила свою работу Школа главного архитектора — образовательный проект по архитектуре и городскому планированию. Одной из ключевых тем, поднятых приглашёнными специалистами, стали промзоны в черте мегаполисов. О том, что с ними делать, рассказал эксперт из Волгограда — городской планировщик, кадастровый инженер и директор компании GeoClever Дмитрий Бойко.

По мнению планировщика, на протяжении XX века государство рассматривало страну в качестве сети промышленных центров, которые должны максимально оперативно и бесперебойно поставлять продукцию и кооперироваться экономически. Жилые кварталы в этой конструкции — место для размещения работников. Именно поэтому особенность российских городов заключается в том, что промзоны здесь расположены в центре или в непосредственной близости от него. Ещё одна важная черта — промзоны обязательно привязаны к железнодорожным путям.

Однако по законам урбанистики в городах вдоль реки нужно строить жильё, затем должны идти зелёные зоны и только после них — промышленные. Но в России берега начинаются с промзон. Пермь и Волгоград — классические примеры такого подхода.

Разные государства используют разные методы борьбы с заброшенными и неэкологичными производствами в черте города (так называемые «бурые» зоны). Определяющим фактором развития заброшенных промзон является

плотность населения: чем она выше, тем дороже земля.

США, например, идут по пути налоговых льгот. Собственник территории сначала обращается в агентство по охране окружающей среды, чтобы оно подтвердило статус «бурой» зоны. После этого он получает налоговые льготы на рекультивацию. В результате в декларации по налогу на прибыль отдельно выделяются расходы на очистку.

Во Франции — адресный подход. Здесь есть профильное агентство, которое может предоставить регулярное финансирование на редевелопмент, но в рамках планов развития конкретной агломерации. Примечательно, что треть средств на эти цели предоставляет Евросоюз. В результате к 1998 году, например, в Лотарингии 30% участков были реорганизованы, 22% отданы под различную застройку, 17% — под парки.

В Германии — свои особенности. Для них экономическая выгода не всегда является определяющим фактором. Немцы могут сохранить неликвидные заброшенные здания, если они представляют историческую ценность или являются памятниками промышленной архитектуры. В дальнейшем они позиционируются как достопримечательности.

В Великобритании собственникам предприятий не разрешают строить завод в новом месте, если в «бурых» зонах есть свободные территории. Они обязаны работать там же. Государство берёт на себя расчистку территории, дороги, коммуникации, подготовку площадки. А застройщику предоставляются различные гранты и льготы.

В Перми есть элементы хипстерского урбанизма

— Я в Перми первый раз. По моим впечатлениям, это уникальный город с точки зрения характера. Здесь сохранились моменты, «выжженные» в других регионах.

Например, пермские элиты видят себя в качестве творцов и хотят привносить что-то новое в городскую среду. Возможно, Пермь не знает чего-то, но смело приглашает иностранцев (голландцев, например) для того, чтобы учиться. Здесь есть очень клёвые моменты в дизайне. Например, на улице Сибирской уложили плиты-скаты из того же материала, что бордюры. Так же делают в США. Мелочь, но уговорить администрацию другого города на такое очень сложно.

Есть те же велодорожки, то есть элементы так называемого хипстерского урбанизма. В общем, Пермь смотрит вперёд, сравнивает себя с ведущими городами. Не забывайте, что именно Пермь стала первым городом, где был принят мастер-план — документ, не предусмотренный законодательством. Бояться не надо. Не вижу ничего сложного в реализации задумок. Всё возможно. Разве сложно посадить деревья или реконструировать здания?